

ФЕНОМЕН ПРИДВОРНОЙ ДРУЖБЫ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ: КОРОЛЕВА ГОРТЕНЗИЯ И АРМАН ДЕ КОЛЕНКУР

А. А. Егоров, Ю. Л. Дейниченко

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 2 июня 2022 г.

Аннотация: на основании принципов новой биографической истории рассмотрены взаимоотношения личностей, обычно остающихся на втором плане истории Франции эпохи Первой империи – Гортензии де Богарне-Бонапарт и Армана де Коленкура, а также роль этих взаимоотношений в придворной жизни и политических процессах. Анализ производится на основе материала источников личного происхождения – мемуаров, воспоминаний и записок, созданных как самими акторами, так и приближенными к ним лицами разного придворного статуса (герцогини, фрейлины и т.д.). Рассмотрены предпосылки возникновения этой неочевидной и неординарной связи между будущей королевой Голландии и императорским адъютантом, впоследствии дипломатом и министром, ее последовательное развитие и характерные черты, а также влияние на действия акторов, в том числе во взаимоотношениях с императором Наполеоном I. Особое внимание уделено эпизодам, относящимся к кризисным для Первой империи 1812, 1814 и 1815 гг., когда Гортензия де Богарне-Бонапарт и Арман де Коленкур должны были принимать самостоятельно или совместно поддерживавшие судьбоносные для Франции решения. По итогам исследования предложена к обсуждению концепция придворной дружбы, соединяющей черты патрон-клиентских отношений и дружбы в современном понимании.

Ключевые слова: Гортензия де Богарне, Арман де Коленкур, придворные отношения, неформальные связи, Первая империя.

Abstract: based on the principles of new biographical history the relationship between persons usually hidden in the background of the history of France in the era of the First Empire (Hortense de Beauharnais-Bonaparte and Armand de Caulaincourt) as well of its role in court life and political processes have been considered. The analysis has been conducted based on the material from sources of personal origin – memoirs, memories and notes created both by the actors themselves and by persons close to them of different court status (duchess, maid of honor and reader). The preconditions of this extraordinary and non-obvious connection between the future queen of Holland and the imperial adjutant, later a diplomat and minister, its consistent development and characteristics, as well as its influence on the actions of actors, including relations with Emperor Napoleon I have been studied. Special attention has been paid to episodes related to the crisis for the First Empire in 1812, 1814 and 1815, when Hortense de Beauharnais-Bonaparte and Armand de Caulaincourt had to independently or jointly support decisions crucial for France. The study has been resulted in proposal for discussion of the concept of court friendship, combining the features of patron-client relations and friendship in the modern understanding.

Key words: Hortense de Beauharnais, Armand de Caulaincourt, court relations, informal ties, First French Empire.

Вопрос «почему» – или «вследствие чего» – лежит в основе всех наук, выражая человеческое любопытство и тягу к установлению логических связей. История не исключение. В зависимости от масштаба избранной темы историк задает эти вопросы, исследуя государственные институты, общественные движения, отдельные яркие события, повседневность... В рамках персональной истории или, например, междисциплинарного исследования героев мы нередко рассматриваем целый комплекс вопросов, выстроенных вокруг мотивации личности. Почему тот или иной человек сделал, сказал, написал что-то

именно так, а не иначе, почему в этот конкретный момент времени? Что подвигло его на действие или бездействие и каким образом? Руководствуясь материалистическими идеями, можно найти быстрые и простые ответы, однако на современном этапе развития исторической науки они не удовлетворяют потребности в глубоком и всестороннем понимании феномена индивидуального. Не менее чем создаваемые жизнью объективные обстоятельства, на высокоорганизованную личность влияли усвоенные с детства манеры – некие «правила игры» – и окружение: семья, патроны, друзья или, напротив, соперники.

Система личных взаимоотношений при дворе Наполеона сложилась рано, еще в годы его консулата, и сохраняла удивительную стабильность вплоть до

1812–1814 гг. [1, с. 2]. Кризис задал системе динамику: одни связи распадались, другие укреплялись и становились ярче. Примером последних служит своеобразная *дружба*, существовавшая между королевой Гортензией де Богарне и министром иностранных дел Арманом де Коленкуром, герцогом Виченским.

Мысль о проведении данного небольшого исследования возникла после ознакомления с самой источниковой базой в виде мемуаров королевы Гортензии, личности, которой был свойственен высокий уровень рефлексии собственных чувств и мотивов. При этом, что важно для истории более масштабной, она, как и Арман де Коленкур, была человеком, от которого *что-то зависело*; прочно вплетенные в политический процесс своей эпохи, они несли ответственность не только за себя, но и за других людей. Поэтому их взаимовлияние, неявное и нечастое, но с силой проявлявшееся в переломных эпизодах их жизни, представляется нам интересным штрихом к групповому портрету Первой империи.

Хотя связь между Гортензией и де Коленкуром трудно назвать очевидной, сформировалась она неслучайно. Их родители свели знакомство еще при Старом порядке и сохраняли дружественные отношения вплоть до смерти маркиза Габриэля-Луи де Коленкура в 1808 г. и императрицы Жозефины в 1814 г. [2, р. 34]. Де Коленкуры-младшие, Арман и Огюст, были представлены первому консулу Наполеону Бонапарту по протекции его супруги. Наконец, маркиза Анна-Жозефина была назначена фрейлиной Гортензии, когда та стала королевой Голландии, и их взаимоотношения характеризовались как теплые, почти семейные [3, т. 2, р. 106]. Гортензия и Арман де Коленкур, таким образом, имели схожее происхождение – знатное, наследующее традиции старой Франции, – а также прекрасное воспитание и образование. Объединял их и круг общения: известно, что Арман де Коленкур предпочитал салон Жозефины окружению ее супруга. «Его [де Коленкура] не любили. Он, может статься, был слишком убежден в своем превосходстве над большей частью людей, составляющих военный круг императора, и это убеждение придавало ему вид осторожности, которую глупцы принимали за презрительность», – писала герцогиня Лаура д'Абрантес, супруга генерала Жана-Андоша Жюно, друга юности Наполеона [4, т. 1, с. 150]. Близость де Коленкура к императрице подтверждает также свидетельство фрейлины Жозефины мадемуазель Аврильон: «Ни при каких обстоятельствах маркиз де Коленкур не забывал, чем он обязан императрице, и всячески доказывал ей это» [5, р. 19]. Гортензия, любившая мать и любимая ею, часто пребывала рядом с Жозефиной и имела возможность общаться с де Коленкуром.

Что же это дало нашим героям?

Правильнее всего, на наш взгляд, будет сказать, что их длительная связь опиралась на взаимопонимание, доверие и взаимную поддержку, примеры которой мы рассмотрим далее. Взаимопонимание же уходило корнями в их натуры, весьма различные, но одинаково рассудительные, и общие старорежимные дворянские ценности – благородство поступков и мыслей, честность, компромисс. Не последнюю роль в их сближении сыграл Наполеон с его эмоциональной нестабильностью и беспринципностью: Гортензию они, по ее собственным признаниям, пугали, де Коленкура – раздражали и отталкивали, что было заметно окружающим – его сослуживцам и слугам [3, т. 2, р. 333].

Собственно, в мемуарах Гортензия впервые обнаруживает свое отношение к де Коленкуру, когда пишет о деле герцога Энгийского. Она была возмущена как поступком отчима-консула, подставившего своего адъютанта, так и реакцией общества: «Как могло случиться, что весь свет с таким ожесточением обвинял Коленкура? Неужели поверить в правду было тяжелее, чем в ложь?» [Ibid., т. 1, р. 159]. Для нее Арман де Коленкур был безусловно честным и благородным человеком и оставался таковым до конца наполеоновской эпохи. В мемуарах Луизы Кошле, наперсницы Гортензии, мы находим отзыв экс-королевы о де Коленкуре, прозвучавший в 1815 г.: «Королева отпустила господина Куртуа, сказав ему, что, поскольку во временное правительство входят герцог Виченский и Карно, не нужно бояться измены и что они, конечно, сделают все возможное, чтобы спасти честь страны» [6, т. 3, р. 185].

Наиболее любопытным моментом их общения является то, что порой оно выходило за формальные рамки взаимодействия венценосной особы с высокопоставленным чиновником. Так, в конце декабря 1812 г. произошла сцена, которую Гортензия кратко описала в своих мемуарах: «Герцог Виченский, сопровождавший императора от Вильно до Парижа, приехал повидаться со мной на следующий день после прибытия. Я говорила с ним о брате, о том крайнем беспокойстве, что вызывал у меня его переход под командование неаполитанского короля. Он дал мне подробные описания наших несчастий, заверил, что Евгений и маршал Ней особенно отличились присутствием духа в момент, когда всем его недоставало; “Однако, – добавил он, – поверьте мне, стоит говорить только о маршале Нее, не упоминая персону вашего брата”. Больше на сей счет он ничего не сказал» [3, т. 2, р. 154]. Неординарно, во-первых, то, что де Коленкур назвал вице-короля Италии Евгения де Богарне не «его высочеством», но «братом» королевы. Во-вторых, он дал ей непрошенный совет по деликатному вопросу, а Гортензия, судя по всему, ему по-

следовала: негодование назначением маршала Мюрата выразила Наполеону только ее невестка, Августа Баварская [Ibid.]. Наконец, сам визит де Коленкура к Гортензии не был обусловлен ничем, кроме желания обсудить с ней злополучный поход Наполеона в Россию и его результаты. Спешно запланированная или даже нежданная, эта встреча была важна для Гортензии – ее очень волновала судьба брата – и, очевидно, запомнилась ей.

Яркий и показательный декабрьский эпизод 1812 г. не был единственным. В апреле 1814 г. де Коленкур, назначенный полномочным представителем от Франции для переговоров с союзниками по коалиции, переписывался с Гортензией и приезжал в Мальмезон. Она поддержала его инициативу отречения Наполеона и препоручила ему судьбу собственных детей, принцев Бонапарт, воспитание которых хотели взять на себя Габсбурги. И снова в одной из описанных Гортензией в мемуарах сцен мы видим, какое влияние имел на нее де Коленкур: «Он упрекнул меня в холодном приеме, оказанном мной императору [Александрю] и, казалось, задевшим его. “Разве вы не знаете, – сказал он мне, – что он один поддерживает интересы императорской семьи? Что сделали бы без него даже с жизнью императора Наполеона? Известна ли вам ненависть всех остальных правителей, каждый из которых однажды бросил его? Если он еще остается в своем убежище на Эльбе, то он обязан этим только императору Александрю!”» Подобная нотация могла бы вызвать раздражение у более своенравного человека, но Гортензия извлекла из нее рациональное зерно и во время следующего визита императора Александра I старалась вести себя приветливее [Ibid., p. 221]. Это принесло свои плоды: сочувствовавший ей Александр сохранил в Парижском мирном договоре пункт, по которому сыновья Гортензии остались на воспитании у матери. Еще раз Арман де Коленкур поддержал ее в марте 1815 г., сразу по возвращении Наполеона в Париж. При первом разговоре император был груб с Гортензией, практически издевался над падчерицей, демонстрируя свою враждебность; де Коленкур, невольный свидетель ссоры, вступился за Гортензию. После, узнав, что она была кем-то оклеветана перед императором, он не только утешил ее, но и вновь выступил в роли советника [Ibid., p. 333].

Опираясь на вышеприведенные сведения, можно поддаться соблазну и упростить картину, сведя ее к придворному покровительству слабой женщине, избегавшей политики, пугливой и послушной. Однако этот вывод будет неверным. В 1815 г. Гортензия, примирившись с отчимом, столь энергично убеждала его предложить де Коленкуру пост министра иностранных дел, что Наполеон сделал это вопреки своим изначальным намерениям. Более того, когда де Коленкур отказался от портфеля, между ним и Гортен-

зией состоялась не менее бурная беседа: «Я заставила его прочувствовать все последствия его отказа. “Всем известно, – сказала я ему, – что вы единственный всегда говорили с императором в духе умиротворения. Ваше мнение сейчас как никогда необходимо. Нам нужно противопоставить вас тем силам, что горят идеями новых завоеваний”» [Ibid., p. 337–338]. Обыкновенно пассивная, но наблюдательная и наделенная острым умом, в критический момент Гортензия привела де Коленкура убедительные аргументы. Не желавший становиться министром и в первый раз, в 1813 г., он все же согласился принять пост повторно.

В мемуарах Луизы Кошле содержится еще одно доказательство того, что королева Гортензия соотносила советы де Коленкура со своими личными усмотрениями. В июне 1815 г., после поражения французских войск в битве при Ватерлоо, она удивила его (и вообще всех приближенных), наотрез отказавшись защищать себя: «“Я ничего не желаю, а также ни в ком не нуждаюсь!” – сказала она герцогу [Виченскому], старавшемуся убедить ее написать императору Александрю» [6, p. 327]. Весьма характерно, что именно Александр I стал «яблоком раздора» между де Коленкуром и Гортензией: с первым он вопреки всему сохранил дружбу, сложившуюся за время пребывания де Коленкура в Санкт-Петербурге, а для второй оставался чужим человеком, вождем антифранцузских коалиций.

Итак, во взаимодействии наших героев мы видим прежде всего единомышленников, союзников. Они высказывали друг другу свои сомнения и соображения, как лучше поступить; при Гортензии Арман де Коленкур мог выражать недовольство императором, а в ответ выслушивать ее жалобы. Несмотря на разницу в возрасте и статусе в обществе и при дворе один из них не имел над другим власти и не показывал превосходства, даже покровительствуя в определенных ситуациях, – как, если не *дружбой*, мы назовем связь с перечисленными свойствами?

Дополнительная интересная ее черта – то, что в мемуарах де Коленкура мы не находим прямых подтверждений свидетельствам Гортензии. Он всего раз за весь текст (!) упоминает королеву Голландии в контексте обсуждения условий Парижского договора. Однако этому можно предложить объяснение. Тем, кто хорошо знаком с текстом мемуаров де Коленкура, известно, как мало и редко он открыто писал о себе и своих чувствах, своей семье и друзьях. Для этого ему требовался исключительный повод, такой, например, как смерть его брата в Бородинском сражении [7, с. 163–166]. Источники же, созданные приближенными, такие как воспоминания Луизы Кошле-Пакен или камердинера императора Константа Вери, дают возможность верифицировать факты, изложенные

Гортензией. Мадам Пакен отдельно подчеркивала, что де Коленкур входил в круг друзей Гортензии даже в 1815 г., когда круг этот, конечно, сузился [6, р. 92].

Наконец, следует подчеркнуть, что дружба королевы Гортензии и Армана де Коленкура была теснейшим образом связана с их положением в обществе и при дворе. Она напоминала взаимовыгодное партнерство, что роднит ее с *патрон-клиентской* схемой, хорошо известной историкам – специалистам по Старому порядку [8]. Однако эмоциональную окрашенность, в первую очередь чуткость и искренность, справедливее отнести на счет *частной дружбы* двух людей, волей обстоятельств облеченных известной мерой власти. Поэтому мы предлагаем для обсуждения концепцию *придворной дружбы* – связи, находящейся на зыбкой грани между личным и общественным, связи, нередкой для Первой империи и внесшей в ее историю значительный вклад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеголев С. И. Двор императора Наполеона / С. И. Щеголев // Великая Французская революция, им-

Южный федеральный университет

Егоров А. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений

E-mail: egorov_1799@mail.ru

Дейниченко Ю. Л., магистрант 2-го года обучения, специалист по учебно-методической работе

E-mail: deinichenko.iuliya@yandex.ru

перия Наполеона и Европа : сборник. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.

2. *d'Arjuzon Antoine*. Caulaincourt. Le confident de Napoléon / Antoine d'Arjuzon. – Paris : Perrin, 2012.

3. *Beauharnais-Bonaparte Hortense de*. Mémoires de la reine Hortense / Hortense de Beauharnais-Bonaparte. – Paris : Librairie Plon, 1930.

4. *Жюно Л.* Записки, или Исторические воспоминания о Наполеоне / Л. Жюно, герцогиня Абрантес ; пер. К. Полевого. – М. : Захаров, 2013.

5. *Avrillion Marie-Jeanne-Pierrette*. La vie privée de Joséphine racontée par la femme de chambre / Marie-Jeanne-Pierrette Avrillion. – Paris : F. Rouff, 1918.

6. *Parquin Louise*. Mémoires sur la reine Hortense et la famille impériale : en 4 vol. / Louise Parquin. – Paris : Ladvocat, 1842. – Vol. 3.

7. *Коленкур А. де*. Наполеон глазами генерала и дипломата : пер. с фр. / А. де Коленкур. – М. : Издательство АСТ, 2016.

8. *Ермакова О. К.* Терминологические аспекты дискуссии о неформальных связях в государствах Европы Нового времени / О. К. Ермакова // Вестник Нижегородского университета. – 2021. – № 2.

Southern Federal University

Egorov A. A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign History and International Relations

E-mail: egorov_1799@mail.ru

Deynichenko Yu. L., Master's Degree Student, officer

E-mail: deinichenko.iuliya@yandex.ru